В.С. Хаимов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

ХАИМОВ Вадим Сасунович – соискатель ученой степени кандидата политических наук кафедры национальных и федеративных отношений РАГС, помощник председателя комитета Совета Федерации Федерального Собрания России (e-mail: khaimov@netman.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые политические аспекты сотрудничества государств в преодолении разразившегося мирового кризиса.*

Ключевые слова: *глобализация, мировой кризис, система международного сотрудничества, политика доверия между государствами.*

Многие исследователи давно предсказывали наступление мирового кризиса[1]. Но несмотря на такие предсказания и экономические расчеты, он пока не получил научно осмысленного определения, хотя некоторые авторы окрестили его «кризисом доверия»[2].

В международном сотрудничестве проблема доверия изначально рассматривалась как проблема межгосударственных взаимоотношений в военно-силовой области. Первым крупным соглашением в данной сфере можно считать Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Однако многие позиции этого документа потребовали пересмотра из-за появления таких концепций международных отношений, как гуманитарная интервенция или мягкая сила, которые фактически вводили новые инструменты решения спорных вопросов в обход международного права[3].

Кризис доверия обнаружился в разных областях, которые в хельсинских договоренностях были обозначены тремя направлениями: военно-поли-

[1] См., например: Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. – М., 2004; *Делягин, М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. – М., 2003; *Кругман, П., Обстфельд, М.* Международная экономика: теория и политика. – СПб., 2004; *Стиглиц, Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003 и др.

[2] См.: *Гуриев, С., Цывинский, О.* Как измерить доверие // Ведомости. – 2008. – 25 нояб.

[3] См.: *Лукьянов, Ф.* Хельсинки. 40 лет спустя // Ведомости. – 2008. – 11 дек.

тическим, экономическим и гуманитарным. Можно сказать, что из-за политизации экономики и гуманитарной сферы содержание трех направлений переместилось в одно. И без повышения общего уровня доверия в международном сообществе разобраться с его сложным содержанием вряд ли удастся. Для этого необходимо широко обсуждаемому проекту «нового мирового порядка» придать такие конкретные черты, которые отражали бы системный характер международных отношений, позволяющий учитывать назревшие перемены в системе международного сотрудничества. Системность стала непременной характеристикой нашей оценки существующего миропорядка.

Известно, что главной принадлежностью международных систем являются такие компоненты, без которых они просто невозможны. Анализ формируемой в условиях глобализации системы международных отношений не может быть полноценным без учета таких элементов, как развитие современной мировой экономики, глобальной экономической системы, финансовых, торговых, образовательно-культурных, гуманитарных и, особенно, политических отношений.

Важнейшим признаком сложной системы, отражающим внутреннюю структуру связующих элементов, выступает ее целенаправленность. Этот признак, взятый вместе со средствами достижения цели, составляет функциональный аспект системы. Поэтому ясно, что трансформация системы не есть самоцель, а представляет собой средство решения определенной целевой функции. Размытость целей глобализации определяет сложность выбора средств достижения этих целей, что создает проблемы во взаимодействии участников системы международного сотрудничества.

Принято считать, что лучше всего национальные интересы отражают национальные модели организации хозяйства, так как государства различаются своеобразием исторического и культурного опыта, уровнем экономического развития, социальными и национальными условиями. Растущая взаимозависимость в развитии многих государств в условиях глобализации становится не только очевидным фактом, но и требует нового уровня осознания места национального государства в международных отношениях и проблем управления на глобальном уровне. С одной стороны, требуется усиление регулирующей роли государства на мировых рынках для поддержания развития национальной экономики и нейтрализации внешних угроз. С другой стороны, необходимым оказывается обеспечение относительной стабильности воспроизводства и свободы движения капиталов, товаров, услуг и людей в рамках мировой хозяйственной системы. Отсюда можно заключить, что целями международных соглашений в области глобального регулирования выступают: обеспечение притока иностранного частного капитала в другие страны; предоставление юридических гарантий от некоммерческих рисков, которые включают в себя гарантии

от национализации, неконвертируемости валют при переводе капиталов и прибылей, от ущерба собственности инвестора в случае войн и социальных потрясений; защита прав производителей; обеспечение нормальных условий жизни мигрантов и др. Такой перечень позволяет говорить, что пока на повестке дня должны стоять задачи не глобального управления, а глобального и регионального регулирования, что, кстати, соответствует периоду глобального кризиса.

Международное сотрудничество в политическом контексте включает и учет интересов тех стран, которые не готовы полностью или в какой-либо степени к входу в мировой рынок. Поэтому сохраняется тенденция к углублению экономической интеграции по негосударственным каналам, например, по транснациональным корпорациям. Это создаст серьезные экономические проблемы, обусловленные, в частности, противоречием между перемещением производств и уровнем занятости в различных странах. Кроме того, национальные и международные механизмы экономической политики плохо приспособлены к переносу принципа взаимности с традиционной сферы, которой является торговля, в сферы инвестиций и инновационных процессов. В этих условиях необходимость переосмысления концепции существующих связей и координации действий – как международными организациями, так и национальными государствами – становится очевидной.

Координация действий способна сгладить издержки процесса, сопутствующего глобализации. Его называют по-разному, но наиболее часто характеризуют как фрагментацию миропорядка.

С окончанием холодной войны фрагментация стала оцениваться как опасность, в том числе из-за появления «анклавов» национальной исключительности в условиях формирования глобального пространства. В США такие «анклавы» прошлого стали называть «государствами-изгоями». Но такие страны отразили тот вариант фрагментации, который правильнее было бы называть локализацией. О фрагментации же, на наш взгляд, лучше всего свидетельствует картина, которая описывает современный мир в целом. Он на самом деле представляет собой не однополюсную систему, основанную на глобальной монополии Соединенных Штатов, а сложную взаимозависимую многополюсную систему. В глобальной структуре представлены такие полюса: США, Европейский союз, Япония. Например, они доминируют в общих объемах вывоза и ввоза инвестиций. В то же время, говоря о трехполюсной системе, некоторые исследователи в качестве третьего полюса подразумевают все пространство Азиатско-Тихоокеанского региона, где в инвестиционном процессе активно задействованы Япония, Китай, Южная Корея и другие страны Юго-Восточной Азии. В этой системе формируется своя подсистема отношений, со своим международным разделением труда и собственными механизмами регулирования, определя-

ющими мирохозяйственные стандарты на национальном, региональном и надрегиональном уровне.

Взаимодействие на уровне полюсов-государств или полюсов-регионов так или иначе усиливает тенденцию трансграничного перемещения капиталов. Финансовые операции становятся более динамичными, приобретают глобальный характер вследствие устранения рядом ведущих государств Запада ограничений на вывоз капитала и массового внедрения в банковскую и биржевую практику электронных технологий. Одновременно они становятся и более рискованными, что проявилось в условиях кризиса.

Кризис подвел черту и под процессом, который свидетельствовал о постепенном сокращении разрыва в развитии и богатых и бедных стран. Действительно, за последнюю четверть века произошло некоторое улучшение условий жизни населения многих развивающихся стран. Увеличилась ожидаемая продолжительность жизни. Доля неграмотного населения уменьшилась почти вдвое – до 25%. В Восточной Азии только за 90-е гг. почти наполовину сократилось количество людей, живущих менее чем на 1 долл. в день[1]. Тем не менее для многих стран эти годы могут быть названы десятилетием отчаяния. 54 страны стали беднее, чем в 1990 г.[2] В 25 странах голодает большее число людей, нежели десять лет назад[3].

Глобальные проблемы транслируются в общество индустриального мира и с помощью средств массовой информации, и непосредственно через многочисленных мигрантов из беднейших стран, путем распространения эпидемий страшных болезней, оборачивается угрозами международного терроризма и транснациональной преступности. В бедных странах гораздо сложнее решать проблемы, вызванные экзогенными шоками (засухой, СПИДом, междоусобицами, циклическими колебаниями товарных цен и т. д.). Глобализация акцентирует внимание на причинах неравенства, связанных с кризисом общества традиционной модели вследствие недобросовестного управления, политической нестабильности, конфликтов на этнической и религиозной почве. Усугубление неравенства связано и с тем, что власти часто не в состоянии адекватно ответить на стихийные бедствия, жертвами которых в первую очередь становятся беднейшие слои населения. Это показал пример не только катастроф в странах Юго-Восточной Азии, но и в США после урагана Катрина, когда в Новом Орлеане пострадали прежде всего уязвимые слои населения.

Социально-политическое неравенство, отмечаемое отсутствием политической свободы, личной безопасности, доступа к свободному участию

---

[1] См.: Доклад о развитии человека за 2003 год. Резюме // Безопасность Евразии. – 2000. – № 4. – С. 156.

[2] См. там же.

[3] См.: Доклад о развитии человека. 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. – М., 2004. – С. 154.

в жизни общины и опасностью потери источников существования по-иному воспринимаются в условиях глобализирующегося мира, в котором тенденция углубления взаимозависимости не проявляется линейно, а в ряде случаев может вести к ухудшению и без того тяжелой ситуации. Особенно наглядно это проявляется при попытках Запада осуществить гуманитарное вмешательство, когда даже в относительно благополучных с точки зрения распространения неравенства регионах количество бедных только увеличивается. Более того, помощь развитых стран часто расходится по коррумпированным структурам и только усиливает неравенство. Можно согласиться с германским исследователем Х. Зайдтом, что «новые риски требуют изменения мышления и действия в области политики безопасности за рамками унаследованных категорий позитивистского понятия государства. Во многих частях света государства больше рассматриваются как центр притяжения и точки приложения политических усилий: центры власти следует искать там, где они действительно есть»[1].

И это также проявление кризиса доверия. Часто подобные структуры являются свидетельством распада государств при внешнем сохранении централизованной власти, признаваемой международным сообществом и являющейся основным агентом во взаимодействии с различными международными организациями, в том числе в вопросах получения помощи для бедного населения. С одной стороны, требуется уважать территориальную целостность разваливающегося государства и стремиться к восстановлению страны, но, с другой стороны, при оказании помощи нельзя также игнорировать реальную политическую расстановку сил и не учитывать, что от нее во многом зависит получение международной помощи адресатом.

Политические аспекты сложного процесса международного сотрудничества различных государств во многом относятся к функциям международных организаций. Однако и их деятельность давно вызывает вопросы, также свидетельствующие о падении доверия к структурам, являющимся опорой миропорядка. Признано назревшим реформирование ООН; лидеры ведущих государств настаивают на реформе Международного валютного фонда. «Большая восьмерка» также утратила изрядную часть своего глобального влияния[2].

Вопрос сумеет ли международная система справиться с вызовом является основным в повестке дня международных саммитов, но он же выступает в качестве стержневого в исследованиях международных отношений. Знаковым событием стала публикация уже четвертого доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции-2025:

---

[1] *Зайдт, Х.* Распад государств: анализ ситуации и определение нового курса // Вестник аналитики. – 2003. – № 4 (14). – С. 16–17.

[2] См.: *Джеймс, Г.* Новая роль МВФ // Ведомости. – 2008. – 13 нояб.

меняющийся мир»[1]. В нем эксперты отмечают, что тенденция к большему распространению власти и могущества, которая наблюдается на протяжении двух десятилетий, возможно, ускорится из-за появления новых глобальных игроков, все более неэффективных учреждений, расширения региональных блоков, продвинутых коммуникационных технологий и увеличения влияния негосударственных акторов и сетей.

Исследователи прогнозируют, что рост многообразия акторов может усилить международную систему, заполнив пробелы, появившиеся в связи с моральным старением учреждений, возникших после Второй мировой войны, утратой ими доверия международного сообщества. Но этот рост обладает потенциалом к дальнейшей фрагментации существующей системы, что препятствует эффективному международному сотрудничеству. Разнообразие типов и видов акторов увеличивает вероятность фрагментации в следующие два десятилетия, учитывая, очевидно, снижающуюся способность существующих международных учреждений.

В современных условиях следует обратить внимание на уроки кризиса. Процесс создания новой политической основы международных отношений требует вместо масштабных проектов глобального управления заняться решением конкретных проблем глобального регулирования. Это должно способствовать не только возвращению доверия в отношения международных акторов, но и формированию новой политической архитектуры международных отношений. В послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил готовность «к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами, со всеми объединениями, которые рассчитывают и которые хотят укрепления отношений с Россией. Наличие разногласий по отдельным вопросам, – подчеркнул он, – мы не считаем ограничителем для откровенного обсуждения, для решения сложных проблем». Думается, что такой подход к развитию международного сотрудничества государств с учетом политических уроков исторического опыта XX – начала XI вв. будет способствовать решению проблем многогранного процесса сотрудничества народов мира.

Список литературы

Без идей, без воли, без решений // Эксперт. – 2008. – № 28. – С. 88.

Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. – М., 2004.

Делягин, М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. – М., 2003.

[1] Глобальные тенденции-2025: меняющийся мир // www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.

Лукьянов, Ф. Хельсинки. 40 лет спустя // Ведомости. – 2008. 11 дек.

Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003.

© Хаимов В.С., 2009

А.Н. Маслова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

МАСЛОВА Александра Николаевна – аспирантка кафедры экономической социологии и маркетинга Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: masell@mail.ru)

Аннотация. *Глобализация экономики – противоречивый процесс. С одной стороны, ее последствиями для моногородов России являются безработица и «утечка умов», с другой – возможности решения этих проблем. Устойчивое социально-экономическое развитие моногородов обеспечивается в первую очередь мерами, не связанными с внешнеэкономической деятельностью. В условиях мирового экономического кризиса решающее значение приобретает грамотное управление.*

Ключевые слова: *моногород, градообразующее предприятие, глобализация экономики, мировой экономический кризис.*

Россию вполне можно назвать не только «страной городов», но и «страной моногородов». В таких населенных пунктах – городах и поселках городского типа – проживает, по разным оценкам, каждый четвертый-пятый россиянин[1]. Моногородом называется относительно обособленная общность компактно проживающих людей, являющаяся частью макросистемы, представляющая особый тип социальной организации, который характеризуется системным единством города и градообразующего предприятия и моноцентричным характером экономики, связанным с выполнением определенной общественно значимой функции в макросистеме. В настоящее время около 46% городов России являются монопрофильными.

Глобализация экономики оказывает значительное воздействие на социально-экономическое развитие моногородов. В большой степени это обусловлено спецификой населенных пунктов данного типа – неразвитостью структуры рынка труда и экономики, зависимостью доходной части

[1] См.: *Колесник, Е.А.* Особенности развития моногородов в переходной экономике // Муниципальная экономика. № 3 (19). – 2004. – С. 3.